

К 60-летию со дня рождения Батыгина Геннадия Семеновича

Г.С. Батыгин (1951–2003) прожил короткую жизнь, но внес заметный вклад в советскую/российскую социологию. Он занимался общими вопросами теории и методологии социологии, историей нашей науки, природой "жестких" и "мягких" методов. Он редактировал долгие годы единственный в стране журнал "Социологические исследования" и создал "Социологический журнал", под его редакцией был переведен ряд книг. Он многие годы серьезно занимался преподаванием социологии, под его

руководством защищен ряд кандидатских диссертаций. Он придавал большое значение стилю социологических текстов и определил некоторые черты языка современной российской социологии.

Краткие заметки об отдельных сторонах научной деятельности Г.С. Батыгина написаны людьми, лично знавшими его, высоко ценящими его творчество и всегда помнящими его.

Ни о каком другом пути он даже помыслить не мог... Биографические заметки о Геннадии Батыгине¹

Борис Докторов

В биографическом интервью Геннадия Семеновича Батыгина говорится о том, что он с детства хотел быть профессором, что этот путь был как бы "прибит гвоздем", затем подытожено: "никакого другого для себя я даже помыслить не мог" [1, с. 155]. Публикация этой беседы так и озаглавлена: "Никакого другого пути я даже помыслить не мог..."; этот заголовок породил название настоящих заметок. Беседа с Батыгиным была проведена Натальей Мазлумяновой 23 января 2002 года, за месяц до того, как ему исполнился 51 год и за полтора года до его внезапной смерти. По сути, это рассказ Батыгина о всей прожитой им жизни и немного о планах.

1.

Согласно конструируемой мною лестнице поколений советских/российских социологов, к четвертому поколению принадлежат ученые, годы рождения которых заключены в интервале с 1947 по 1958 г. При том, что жизненный путь каждого уникален, специфичен, социологов одного поколения объединяет схожесть среды, в которой формировался их ценностный мир, и некоторая общность их путей вхождения в науку.

Вместе с тем, во всех областях творческой деятельности, в науке — в частности, есть люди, которые в силу удивительного сплава одаренности, трудолюбия (Батыгин заметил о своих первых шагах в Институте социологии: "...я устроился прокалывать дырки в перфокартах. Так я попал в институт и стал работать, как сумасшедший, сутками. Через полгода меня приняли на постоянную работу лаборантом, а через год, когда я сдал кандидатские экзамены, сделали младшим научным" [1, с. 146]), внутренней собранности, иногда по причинам внешнего характера развиваются в своей профессии быстрее других членов своего поколения. Это делает таких людей в социальном плане старше своего биологического возраста. Как следствие, ровесники воспринимают их в качестве "старших", за ними закономерно признается роль лидера поколения, и при этом действительно старшие по возрасту видят в них членов своей профессиональной когорты.

Г.С. Батыгин (1951–2003) по своему году рождения входит почти в середину временного интервала, отведенного стратификационным алгоритмом под четвертое поколение социологов, т. е. с определением его положения в структуре поколений отечественных социологов не возникает проблем. В 1977 г. он защитил кандидатскую диссертацию по методолого-методическим проблемам построения и анализа социальных показателей, в 1986 году — докторскую по методологии прикладных социологических исследований, в 1991 г. стал профессором. Его работы быстро привлекли к себе внимание широкого круга социологов, в конце 1970-х он занял ключевое положение в редакции журнала "Социологические исследования", а в 1994 году положил начало новому изданию — "Социологическому журналу". Батыгин явно обгонял в профессиональном признании и в карьерном росте многих членов своей возрастной когорты. Они видели в нем старшего, к примеру, на это обратил внимание в своем интервью А.Ю. Мягков (1954 г. р.) [2], а представители третьего поколения — "своего". В день смерти Батыгина я писал: "Я не помню, когда и при каких обстоятельствах мы познакомились. Я знал Гену Батыгина всегда" [3]. Этот мотив присутствовал и в других материалах, написанных о Батыгине моими ровесниками.

¹ В этих заметках автор впервые анализирует биографию Г.С. Батыгина и вообще впервые рассматривает жизнь и творчество представителя четвертого поколения советских/российских социологов. Он предполагает вернуться к этой теме и аргументировать формулируемые здесь положения.

2.

Закономерно, что работы, написанные Батыгиным до середины 1980-х и составившие основу его кандидатской и докторской диссертаций, были выполнены в русле тем, активно изучавшихся советскими социологами: методология исследования образа жизни, природа социальных показателей, логические и эмпирические методы социологии. Безусловно, он мог бы еще многие годы разрабатывать круг интересовавших его тогда задач, тем более что его блестящая философская подготовка и вовлеченность в проведение прикладных исследований позволяли ему дать новую интерпретацию осваивавшейся им проблематики. В частности, в докторской им были исследованы многие теоретические подходы к анализу научного аппарата прикладной социологии [4] и намечен путь к их синтезу.

Однако в начале 1990-х под воздействием многих обстоятельств он отходит от изучения известного не только ему, но многим предметного пространства и начинает зондировать поверхностно описанные или совсем нехоженые предметные области. Так произошло, но к тому времени советские социологи много лучше были знакомы с парадигматикой и методами классической и послевоенной западной социологии, чем с опытом, достижениями дореволюционных русских социологов и социологов, работавших в 1920–1930-е годы. Вот именно освоением всей этой многослойной тематики начал заниматься Батыгин, более того, в сферу его интересов попало также становление и развитие постхрущевской советской/российской социологии. Эти заметки не претендуют на какую-либо полноту описания сделанного Батыгиным в этом направлении, но нельзя не назвать собранную под его руководством и изданную под его редакцией книгу об отечественной социологии 1960-х годов [5]. В указанном выше интервью им было сказано: "В 1990-е годы окончательно сформировалась основная тема моих интересов — история советской общественной мысли, реконструкция интеллектуальной истории советского периода, который считался временем мракобесия" [1, с. 158], при этом слово "советский" тогда было одиозным. Батыгин шел от "истории идей" к научным биографиям и типам научных карьер.

К концу 1990-х, охватив своими историческими исследованиями социологию постреволюционных лет и родившуюся в постоттепельный период, создавая "портрет интеллектуальной и институциональной химеры, которая называлась "советский марксизм" [1, с. 158], обращаясь к документам и воспоминаниям, разрабатывая общеметодологические проблемы историко-социологических поисков, Батыгин укрепил лидерские позиции в своем поколении и приобрел новый статус. Он занял ведущую позицию среди социологов разных поколений, причастных к изучению прошлого отечественной социологии. Симптоматично, что В.А. Ядов, собрав для работы над фундаментальным томом "Социология в России" [6] очень сильный коллектив авторов, доверил написать первую и крайне сложную главу — о российской социологической традиции — Батыгину, возможно, самому молодому в той команде.

3.

До моего отъезда в Америку в начале 1994 года мы регулярно встречались с Батыгиным и вели долгие разговоры в институте и у него дома. Но тогда ни он, ни я не занимались вплотную историей российской социологии, хотя какие-то историко-социологические мотивы присутствовали в наших беседах. В частности я помню, что он говорил, что ядром социологии как науки являются история и методология социологии. Все остальное становится наукой, если оказывается в поле зрения историков и методологов. Мне не пришлось обсуждать с Батыгиным, каким образом он окунулся в историко-социологичес-

кую тематику, и как я понимаю, из этого обстоятельства вытекают два следствия. Первое, я не могу при рассмотрении этого вопроса опереться на рассказ Батыгина и второе — по этой причине я свободен в конструировании своего объяснения. И мне кажется, здесь имеет смысл остановиться на факторах, характеризующих Батыгина как представителя четвертого поколения советских/российских социологов, и на ряде аспектов его биографии.

Начало 90-х: общество стремится понять, что собой представляет новая независимая Россия, огромен интерес к прошлому страны, к дореволюционному периоду, возвращаются из забвения многие имена, начинается пересмотр семидесятилетней истории СССР. Это происходит во всех сферах жизни, в том числе — в социологии. Представители двух первых поколений послевоенной социологии — уже разменяли седьмой десяток, значительная часть принадлежащих к третьему — отпраздновала свое пятидесятилетие, образующие четвертую профессиональную когорту приближаются к сорокалетию или лишь недавно отметили его.

Социологи старших поколений были вовлечены в разработку давно начатых тем, увешены должностями, отягощены членством во множестве формальных и неформальных профессиональных сетей, придавлены массой текущих дел. Батыгину 40 лет, он — доктор наук и профессор, у него нет карьерных устремлений, но есть желание быть абсолютно самодостаточным и независимым. Ему нужна была область исследований, которая относилась бы, в его понимании, к ядру социологии, учитывала бы социокультурные тренды, но не была бы откликом на события, ежечасно обсуждавшиеся в СМИ, была бы "академичной" (работа в тиши библиотек и архивов, изучение каталогов, чтение книг и журналов, которые не раскрывались более полувека, беседы с интеллигентными людьми) и открыла бы ему возможность для использования накопленных ранее знаний. Конечно же, она должна была отвечать его глубинным, еще юношеским, представлениям о науке и ученом. Все вместе это могло бы обеспечить свободу и душевный комфорт.

Батыгина можно назвать "человеком книги"; вот фрагмент из интервью: "Был типичным "большим ребенком". Мать делала все возможное, чтобы я не умер. Большую часть времени я вынужден был проводить в постели. Разрешалось только чтение; я читал все, что ни попадя, и научился жить в литературных мирах.<...> Поэтому моя социализация была связана с созданием фантазмагорических миров на основе текстового материала" [1, с. 134]. Обращаясь к студенческим годам, Батыгин с благодарностью вспоминает лекции профессора Г.А. Багатурии, крупнейшего специалиста по К. Марксу, марксизму, великого текстолога. Багатурия показывал студентам, "как живет учение, как живут идеи", другими словами, он открывал им историю идей. Одним из духовных кумиров Батыгина был Э.В. Ильенков; все студенты зачитывались его книгой о восхождении абстрактного к конкретному в "Капитале" Маркса. Историю античной философии им читал В.Ф. Асмус. Был еще один преподаватель истории КПСС, оказавший, по словам Батыгина, большое влияние на него. К сожалению Батыгин не запомнил имени этого преподавателя, лишь упоминает, что он был слепым и, возможно, в силу этого смог добиться высочайшего знания метафизики партии². Этот преподаватель очень хорошо понимал внутреннее движение идей, и он учил студентов обнаруживать в самых тривиальных текстах внутренний подтекст и понимать "что в мире нет ни одного текста, который нельзя было бы расшифровать таким образом, чтобы в нем не обнаружились неординарные идеи" [1, с. 142].

Это — лишь схема, но следуя ей, наращивая ее деталями,

² БД: Скорее всего, это был Н.М. Рахманов. В блоге "Наши любимые преподаватели" <<http://www.berhofer.ru/299265/5/>> одна из выпускниц философского факультета МГУ пишет: "А историю КПСС вел Н.М.Рахманов, пожилой дяденька, слепой, с палочкой, его ассистентка все время приводила".

можно показать, что с большой вероятностью именно представитель четвертого поколения социологов мог начать систематические и широкоохватные исследования истории современной российской социологии. И этот человек должен был обладать рядом ценностей и способностей, которые были у Батыгина.

4.

Язык, стилистика, ритмика советских социологических текстов в конце 50-х — начале 60-х обладали несколькими особенностями. Во-первых, они формировались по образцу, задававшемуся идеологически рафинированными журналами "Коммунист", "Философские науки" и книгами, которые выпускал "Политиздат". Редактировались не только мысли, выводы, даже немного отклонявшиеся от "буквы" директивных документов, но "причесывался" и сам текст. Во-вторых, язык советской социологии складывался под влиянием англоязычной социологической литературы, и еще отсутствовал опыт ее перевода. В-третьих, в социологию шли люди, не имевшие гуманитарного образования и не придававшие самостоятельного значения стилю своих текстов.

Чтение и заучивание многих художественных, философских и религиозных текстов, усвоение речевого стиля ряда профессоров МГУ, желание много писать (вспоминая середину 70-х, Батыгин отметил: "Я стал очень много писать, даже фантастически много" [1, с. 148]), редактирование текстов для журнала "Социологические исследования", обучение литературе и журналистике у опытных литераторов Ольги Чайковской и Виталия Сырокомского и многое другое способствовали формированию у Батыгина собственного стиля в подготовке социологических текстов. Несколько лет назад, интервьюируя Давида Константиновского, социолога и писателя, я спросил у него, не кажется ли ему, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем. При этом я отметил стремление Батыгина к некоему синтезу текста и контекста, его повышенное внимание к стилю изложения. Мне казалось, что Батыгин шел к прозе. Константиновский сказал: "Кроме того, не надо забывать, что Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запомнил. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию" [7].

Сначала мне казалось, что обращение Батыгина к исторической тематике и поиск стиля изложения полученных результатов были двумя независимыми характеристиками его творчества. Сейчас я склонен думать, что это не так. Его движение от

анализа индикаторов образа жизни к методологии прикладных социологических исследований не могло не сопровождаться поисками нового языка, стилистики. Обращение к истории социологии заставляло его идти дальше.

Мне представляется, что Батыгин оказался первым или одним из первых в современной российской социологии, кто стал обращать самое серьезное внимание на стиль научного текста. И это тоже — и личностное, и поколенческое.

5.

Вот слова Батыгина: "...с восьми или девяти лет у меня была голубая мечта — велосипед. Велосипед заменял для меня все блага мира. Мне нельзя было быстро ходить и бегать, упаси Бог ездить на велосипеде. Но вот мне исполнилось тринадцать, и врачи сказали, что угрозы сердечной недостаточности нет, ревмокардит компенсирован в связи с новым периодом жизни — подростковым... Я до сих пор помню день, когда отец и мать вместе со мной поехали в "город" (так называли центр Сызрани) и мне купили велосипед. "Спутник", темно-синего цвета, с переключением передач! Это, конечно, не такой велосипед, какие у меня появились позже, но радость моя была невообразимой" [1, с. 134-135].

1 июня 2003 на велопрогулке сердце Батыгина не выдержало нагрузку. Он умер мгновенно. Ему было лишь 52 года...

...значительная, глубокая потеря для отечественной социологии.

Литература

1. Батыгин Г.С. "Никакого другого пути я даже помыслить не мог..." // *Социологический журнал*. 2003. № 2.

2. Мягков А.Ю. : "Иной судьбы для себя я просто не представлял" // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2010. № 3. С. 2-11

3. Докторов Б. Геннадий Семёнович Батыгин (1951 — 2003) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2003. № 3. С. 56.

4. Батыгин Г.С. *Обоснование научного вывода в прикладной социологии*. М.: Наука, 1986.

5. *Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.*

6. *Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 1998.*

7. Константиновский Д.Л.: "Такие вот динамические ряды..." // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 4. С. 2-13.

Ремесло Геннадия Батыгина

Лариса Козлова

Геннадий Семенович Батыгин ушел из жизни, не завершив многих своих планов. Но сделанное им уже стало важной частью отечественной социологии и наверняка не потеряет своего значения в будущем.

Речь, прежде всего, идет о главных областях его интересов — методологии социологического исследования и истории (историографии) российской/советской социологии. Г.С. Батыгин оказался на переломе "эпох" в нашей науке и у истоков новых проблем, в формулировании которых принял участие. Я имею в виду два события: во-первых, появление его концепции историографии советской социологии, основанной на идее преемственности, и, во-вторых, заострение проблем применения качественных методов в российской социологии, что расширило дискуссию о методах и способствовало ее выходу на более профессиональный уровень. Если проблемы и не были разрешены, то, определенно, они были поставлены. Здесь не-

уместно вникать в научные детали, целесообразнее рассказать о самом Г.С. Батыгине и его работе в этих направлениях. А главное, затронуть те моменты, которые оказались не вполне известными коллегам и могут их заинтересовать или которые вызывают у них противоречивые суждения. Не исключая других, возможно, более точных интерпретаций, я выскажу свое мнение.

Вначале — о причинах интереса к истории советской социологии, который сполна проявился в работе Батыгина в течение последних пятнадцати лет его жизни, не будучи популярным среди социологов.

Я думаю, что этот интерес Батыгина, — прежде всего, продолжение его исследований по методологии социологии. Так сложилось, что изучение методологии всегда завязано на западную социологическую мысль, но процесс изучения порождает законный вопрос: как же развивалась методология совет-

ской социологии и какую роль в ней сыграло господство марксизма? Вопрос, неизбежно выводящий на исторические исследования. Обозначилась тематика, связанная с историей идей и реконструкцией общественной мысли, а вслед за нею возник и интерес Геннадия Семеновича.

Другая причина — неудовлетворенность существующей историографией российской/советской социологии. По мнению Батыгина, ее слабым местом была опора на официальные, формальные источники, которых было явно недостаточно для восстановления реальной картины. В результате период 1940–1950-х гг. стал "молчащим" в истории социологии. Стремясь к тому, чтобы он "заговорил", Батыгин начал интенсивно исследовать архивы, а также собирать профессионально-биографические воспоминания социологов старшего поколения. В результате появился абрис его историографической концепции российской/советской социологии. Она не была завершена, предполагалось работать дальше над ее проверкой и детализацией.

В качестве еще одной причины батыгинского интереса к прошлому российской социологии я назову его исследовательский стиль, широкий гуманитарный взгляд на изучаемый предмет, междисциплинарность анализа. Особое место отводилось литературе, языкознанию и истории. Очень точно, образно об историческом видении Батыгина написала Ревекка Марковна Фрумкина: "Геннадий Батыгин принадлежал к тем немногим людям, которые обладают чувством истории, т. е. не просто осознают умом важность исторического знания, но как бы физически слышат глагол времен". И далее главное: Батыгин обладал "способностью видеть явление как момент в потоке истории" [12]. События, факты, люди, принадлежавшие прошлому российской социологии, — "моменты в потоке истории". Обращение к этому прошлому было необходимо ему для того, чтобы понять, что происходит в российской социологии сейчас и что будет позже. Его привлекала связь времен, и он стремился восстановить ее в истории социологии. Прав Борис Максимович Фирсов, заметивший, что Батыгиным в изучении российской истории — ее людей и идей — двигала "профессиональная солидарность, стремление к единению"...

В последние годы в нашей науке обсуждается вопрос о непрерывности или прерывности отечественной социологической традиции. Идею непрерывности, которая противоречила принятой в историографии российской социологии точке зрения, выдвинул Батыгин. Эта идея и по сей день обсуждается, имея противников и сторонников. Он считал российскую социологию непрерывной и преемственной в той мере, в какой она соответствовала марксистско-ленинской традиции в общественных науках — начиная с конца XIX века, когда появились первые работы В.И. Ленина, определявшие "научный метод в социологии", и по настоящее время.

Точнее было бы говорить, что Батыгин рассматривал российскую социологию, — естественно, в определенной ее части, — как неотъемлемую составляющую советского марксизма. При этом он считал, что социология в России — это не только научное знание, мировоззрение, но и часть проекта, направленного на преобразование общества. По его мнению, эта наука с самого начала строилась на началах, определявшихся политическими силами и интересами. Взаимосвязь российской социологии с идеологическими структурами никогда не прекращалась — даже в период, который принято считать разрывом в ее истории — 1940-е — конец 1950-х гг. Об этом времени Батыгин написал ряд статей, основанных на архивных документах. В них рассматриваются факты из истории отдельных людей, групп и институций, отражающие идеологические коллизии, групповые конфликты. Многое из того времени впоследствии было "отредактировано" сталинскими историками и забыто. Идея Батыгина о преемственном характере российской социологии родилась, прежде всего, из его несогласия с распространенной в историографии точкой зрения о запрете

российской социологии, о ее "репрессированности" (подобно генетике или кибернетике), чего на самом деле не было, а также исследовательского интереса глубже и неформальнее изучить этот период. По сути, российская социология 1940–1950-х гг. оказалась репрессированной лишь в историографии, где ей фактически не нашлось места. Для меня также очевидно, что Батыгин ставил задачу содействовать восстановлению этого периода в исторической памяти, чтобы последующие поколения не считали его временем "тотального мрака и лжи", чтобы стало известно о работе людей, которую не следует считать напрасной.

Реконструкция истории под силу только большим коллективам. Поэтому программу, которую выполнял Г.С. Батыгин со своей небольшой научной группой, нельзя считать завершенной. Проект только начинался. Уже в последние годы жизни у его руководителя стало меньше возможностей заниматься историей, сидеть в архивах и т. п., что требует огромного времени и отречения от других занятий. Но, уверена, к этой работе он обязательно возвращался бы. Сейчас для его сотрудников ситуация не стала легче, так что проект можно считать приостановленным, если не брать во внимание продолжающуюся работу по истории и социологии постсоветской социологии.

Не следует понимать так, будто Батыгин усматривал прямую "механическую" связь между идеями, которых в 1950–1960-е гг. придерживались социальные философы, и работой российских социологов — хотя бы уже потому, что первые дебатировали о теоретических основаниях социологии, а вторые занялись освоением методов конкретных социологических исследований и самими исследованиями. Но, тем не менее, российская социология тогда основывалась на идеях исторического материализма и шла в фарватере "направляющей линии партии", иногда послушно ложась на "курс", иногда пытаясь его откорректировать, как социологи старшего поколения, ныне называемые "шестидесятниками". Связь социологии с идеологией Батыгин показал в серии статей 1990-х годов, посвященных эпизодам истории российского обществоведения 1940–1960-х гг. и, пожалуй, самой основательной на эту тему — "Преемственность российской социологической традиции", — опубликованной во втором издании "Социологии в России" [4]. Ценнейшая информация о социологии 1960-х гг. содержится в сборнике профессиональных биографий социологов старшего поколения, изданном под редакцией Батыгина [11].

Резюмируя, я могла бы сказать, что концепцию преемственности российской социологии, как и саму ее историю в целом, Батыгин связывал не с узкопрофессиональным, а с более широким — социально-философским, идеологическим и культурологическим контекстом, рассматривая социологию как часть духовной и практической жизни общества, его самоосмысление. Он подчеркивал, что российская социология никогда не замыкалась в академических рамках. Вот почему о преемственности в ней как о непосредственном "рукоположении" — то есть прямой передаче опыта и знаний от социолога к социологу через обучение, чтение работ, совместные исследования — речь вести нельзя. И нельзя отвлечься от более широкого общественного контекста, лежащего вне науки.

Процитирую высказывание А.Г. Здравомыслова (активно разрабатывавшего вопросы истории отечественной социологии) из его последней книги "Социология: теория, история, практика". Эта цитата свидетельствует о близости точек зрения Здравомыслова и Батыгина. Андрей Григорьевич пишет: "Анализируя материалы этой дискуссии [о преемственности или прерывности российской социологии. — Л.К.], а также обращаясь к рассмотрению многообразия социологических направлений в современной российской социологии, автор данной книги пришел к выводу о том, что вторая позиция, представленная Батыгиным, более конструктивна хотя бы потому, что она дает возможность глубже понять значение советского периода в становлении социологии... Разрывы в преемствен-

ности социологии в России обусловлены прежде всего политическими причинами, а процесс преемственности осуществляется благодаря сохранению и воспроизводству культурного капитала [выделено мной. — Л.К.]. В таком понимании преемственность — весьма сложный процесс, который не всегда может быть зафиксирован эмпирически... Преемственность в этом случае понимается как восприятие прошлых научных идей в их историческом, научном и культурном контексте, как выявление смыслов пережитых теоретических конструкций для современности. Таким образом, так же как и в искусстве, обеспечивается селекция определенного круга идей, авторов, произведений и выход их за пределы хронологических рамок" [10, с. 107]. Сказанное Здравомысловым уточняет позиции Батыгина.

Другой сюжет, порождающий противоречивые суждения, на котором я бы хотела остановиться, — это отношение Батыгина к качественной методологии. Бытует мнение, что он относился к ней отрицательно, был "антикачественником".

Подобные суждения представляются мне в корне неверными. Батыгин, профессионально занимаясь методологией социологического исследования, глубоко изучал возможности всех методов, существующих в нашей и смежных с ней науках. Я бы сказала, что его подход к исследованию социологических данных по стилю и широте был более "качественническим", чем у иных социологов, считающих себя "качественниками". Заблуждение, о котором я говорю, основано на критических оценках, которые Геннадий Семенович высказывал — на ученых советах, защитах диссертаций, в личных обсуждениях — в адрес "качественных" исследований, которые наши социологи стали активно проводить в 1990-е годы, когда произошло их первое знакомство с новой методологией, пришедшей к нам вместе с западными источниками и возможностью выезжать за границу.

Во времена первоначального увлечения российских социологов качественной методологией Батыгин большое внимание уделял критике ее неудачных применений, чем и снискал славу "антикачественника". Другая причина — поверхностное чтение методологических работ Батыгина. При внимательном ознакомлении с ними, мы не найдем и следа неприятия им качественной методологии как таковой. Мы также увидим, что в деятельности социолога, какие бы методы тот ни применял, Батыгин усматривал значительный интерпретационный компонент, без которого не может обойтись профессиональный анализ эмпирических данных (доказательству этого посвящена фактически целиком его первая книга "Обоснование научного вывода в прикладной социологии", 1986 [1]; особенно интересна в этой связи глава третья "Социальные факты: объяснение, понимание, интерпретация"). Сошлюсь на его собственное высказывание: "Основная идея работы... заключалась в том, что данные и значения, формируемые в полевых исследованиях, прежде всего данные опросов, ...формируются самими интерпретационными схемами либо когнитивными инструментами замеров... Я увидел, что такой точной регистрации [значения признаков. — Л.К.] недостаточно. Есть еще специфические смещения релевантностей" [8, с. 153–154].

Не случайно пристальное внимание Батыгина привлекало творчество Чикагской школы (сохранилось много конспектов и переводов социологов-чикагцев, которые он делал для себя) и Пауля Лазарфельда, о котором написана прекрасная статья "Ремесло Пауля Лазарфельда: введение в его научную биографию" [2]. И те и другой в своей работе совмещали оба типа методологий. Кстати, это не помешало в истории социологии чикагцев относить к качественной традиции (как известно, из этой школы впоследствии вышли символический интеракционизм Г. Блумера, человеческая экология Э. Хоули, интерпретативная экология институтов Э. Хьюза, социальная антропология У. Уорнера, во многом — теория фреймов И. Гофмана и т. д.), а П. Лазарфельда — чаще всего к позитивистской.

За отрицание Батыгиным качественной методологии некоторые социологи принимали его методологический критицизм, связанный с трудным освоением у нас этого направления, напоминая арену идеологической борьбы. На самом деле Батыгин понимал методологию как широкое поле деятельности, связанное не с доктринами и идеологиями, а лишь с научной целесообразностью и попытками объяснить устойчивые зависимости в поведении людей.

Об этом говорит жесткое выступление Батыгина против разделения методов или связанной с ним дилеммы. Он считал, что основания для разделения качественной и количественной методологий, граница между которыми полностью пронизана, обычно имеет вненаучный характер. Вокруг названной дилеммы в среде наших социологов развернулась так называемая "Q/Q-дискуссия", поутихшая к концу 2000-х годов. Чтобы убедиться в том, что Батыгин относился к ней как к идеологически надуманной, достаточно прочесть статью "Миф о "качественной социологии"" [3]. Приведу одну цитату: "'Q/Q'-дискуссия не может быть понята и исторически верно реконструирована без упоминавшихся отсылок к контекстам, интересам и идеологиям. ...Следует понять, почему различные исследовательские "практики" и проблемы в одних случаях тематизируются как "качественные", в других — как "количественные". Почему какие-то, зачастую весьма старые, дилеммы социологии или социологические перспективы — например, "структура" и "действие" либо "социальная наука" и "социальная политика" — вновь используются как аргументы и альтернативы в дискуссии о "качественном" и "количественном"? Почему, наконец, следует выбирать между "количественным" и "качественным", как если бы это был выбор между действительно различными возможностями? [3, с. 32]. Кстати, одну из самых больших заслуг П. Лазарфельда Батыгин видел в том, что своим "ремеслом" он дал возможность отличать общественно-политические доктрины, идеологии от методологий объяснения устойчивых зависимостей в социальной жизни людей.

Поводом считать Батыгина противником качественной методологии, как мне представляется, было и его неприятие критики, порой воинственной, в адрес классических методов, которая поступала из лагеря социологов, считавших себя "качественниками". Истоки ее — в социологических работах известных западных социологов (А. Сикурела, Н. Дензина, П. Аткинсона и др.). Но подобная критика становилась особенно нелицеприятной в устах российских "неофитов", принявших качественную методологию как моду, как "облегченную" методологию, освобождавшую от бремени трудоемких и дорогостоящих массовых опросов. Одновременно они же сами и профанировали этот тип методологии. По сути, в постсоветское время появилась часть социологов вовсе без методов: прежние они отвергли, а новые не освоили. Утверждение новой методологии на нашей почве часто сопровождалось не то что вполне оправданной критикой недостатков количественных методов, но отрицанием правомерности последних. При этом сами качественные методы нередко использовались без видимой постановки задач, описания процедур и обоснования результатов, тем самым становясь псевдометодами или декларациями. (Я помню период в 1990-е годы, когда в "Социологический журнал" поступали статьи, представлявшие собой набор выдержек из глубинных интервью, не обрамленных какими-либо пояснениями авторов.) Вот это не могло не вызывать протеста у профессиональных методологов. Г.С. Батыгин выступал против такого "ясновидения" и "социологического писательства", против социологии "'глубоко-мысленной", порождающей ответы без всяких вопросов". Он придерживался того принципа, что научность начинается там, где знание становится процедурно воспроизводимым и, следовательно, универсальным.

Приведу еще одну красноречивую цитату из "Мифа о качественной социологии", в которой хорошо показана суть отношения Батыгина к качественным методам. Цитата включает и

высказывание В.А. Ядова, с которым Батыгин соглашается, но в конце не удерживается от иронии, указывающей на уязвимость этой методологии в неопытных руках. "В принципе, нормальная социологическая наука не отвергает "качественную" методологию при условии, что эталон нормальности задан "жесткой" методологией. В этом отношении конструктивным представляется резюме В.А. Ядова: "Кто не чувствует себя 'на коне' в классических методах исследования, тот вряд ли достигнет успеха в использовании гибких приемов. Просто потому, что будет введен в заблуждение их как бы 'нетребовательностью' к тематико-статистическим и жестко формализованным процедурам, каковые, несомненно, остаются базисом достоверного научного знания. Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений в каждом случае". Легко сказать: знать пределы разумных допущений! Гибкие приемы на то и существуют, чтобы устанавливать пределы там, где хочется" [3, с. 39].

Наиболее поздним интересом Г.С. Батыгина из области качественной методологии стал анализ языка социологии и общественного дискурса [например, 6]. Он, в частности, думал над методологией анализа автобиографических интервью социологов [5], исследовал концептосферу советского "коммунизма" [7]. По мнению Батыгина, "язык, обеспечивавший легитимацию социальных порядков и обоснование грандиозного проекта переустройства жизни, не был фальшивым языком пропаганды, навязываемым "сверху", а представлял собой результат интенсивной творческой работы как "властителей дум" (советских интеллектуалов), так и массового сознания" [7, с. 61]. Таким образом, в анализе языка и дискурса Батыгин усматривал средства для исследования не только научных, но и социально значимых идей и феноменов.

В заключение добавлю, что Батыгин был инициатором и участником издания переводов Ирвинга Гофмана [9] и Альфреда Шютца [13] (также при поддержке Фонда "Общественное мнение" он планировал и другие переводы, например Г. Гарфинкеля, но не успел их осуществить). Им впервые выполнен масштабный проект по биографическому исследованию российских социологов и выпущена известная книга о социологии 60-х годов [11]. Что это, если не почтительное отношение к качественной "качественной методологии"?

Геннадий Семенович часто сетовал на недостаток своих знаний в области математики и филологии, считая их очень важными для социологического ремесла. Но профессиональное владение этим "рискованным ремеслом" он скорее связы-

вал с дарованием, позволяющим понимать "несказанные смыслы социологической работы".

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г.С. *Обоснование научного вывода в прикладной социологии*. М.: Наука, 1986.
2. Батыгин Г.С. *Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в его научную биографию* // *Вестник АН СССР*. 1990. № 8. С. 94-108.
3. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о "качественной социологии" // *Социологический журнал*. 1994. № 2. С. 28-42.
4. Батыгин Г.С. *Преемственность российской социологической традиции* // *Социология в России / Под ред. В.А. Ядова*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
5. Батыгин Г.С. *Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива* // *Ведомости Тюменского государственного нефтегазового университета: Вып. 20. Моральный выбор / Под ред. В.И. Бакутановского, Н.Н. Карнаухова*. Тюмень, 2002.
6. Батыгин Г.С. *Тематический репертуар и язык социальных наук* // *Россия трансформирующаяся / Рос. акад. наук; Под ред. Л.М. Дробижевой*. М.: Academia, 2002.
7. Батыгин Г.С., Рассохина М.В. *Семантический коллапс "коммунизма": дискурс о будущем в журнале "Новый мир", 1950-е годы* // *Человек*. 2002. № 6.
8. Батыгин Г.С. "Никакого другого пути я даже помыслить не мог..." // *Социологический журнал*. 2003. № 2.
9. Гофман И. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта* / Пер. с англ.: Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2004.
10. *Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика* / А.Г. Здравомыслов; [отв. ред. Н.И. Латын]; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2008.
11. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
12. Фрумкина Р. *Наука и жизнь в зеркале "устной истории"*. <http://old.russ.ru/ist_sovr/20030722_rf-pr.html>
13. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии* / Шютц Альфред; Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. пер., предисл. Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003.

Геннадий Батыгин: Понять Другого

Ревекка Фрумкина

Геннадий Семенович Батыгин не был моим близким другом. Однако мы, по выражению Герцена, *сочувственно встречались в тонах и оттенках*, и это нас мгновенно связало, объединило и столько обещало...

Геннадий Семенович был пронизательным писателем и обладал безупречным чувством стиля. Мне эта сторона его дара открылась благодаря чтению "профессиональных биографий" — инициированных им публикаций рассказов ученых о своей жизни в науке и не только, построенных в жанре интервью³. Вообще все, что Г.С. делал как главный редактор, он делал не просто с тщательностью, но с тщательностью изысканной.

Один из текстов меня не просто поразил, но очаровал своей абсолютной (разумеется, незаметной) *выделанностью* и

прозрачностью. Впечатление было тем более сильным, что мне был давно и весьма безразличен рассказчик (назову его N), статьи и книги которого я читала. Писал он чрезмерно плотно, в силу чего понимание усложнялось и требовало от меня немалых усилий, граничивших с дешифровкой. Оказалось, что N может писать совсем иначе, о чем я не замедлила поведать Г.С., который выступал в качестве интервьюера.

Г.С. со свойственным ему изяществом ответил, что сам он лишь постарался наилучшим образом передать смысл, как если бы N "водил его рукой". И тут я поняла масштаб Г.С. как стилиста. Действительно, в записанных им "профессиональных биографиях" неизменно просвечивали разнообразные авторские "Я", со всеми оттенками и переливами их неповторимых

³ См., например: С.В. Чесноков. "Мне интересен человек как человек..." (Социологический журнал. 2001. № 2); Д.Я. Алиева. "Я стала читать по-чешски и по-словацки, зная "Слово о полку Игореве"..." (Социологический журнал. 2002. № 4) и др.

индивидуальностей. А убиралось, фигурально выражаясь, лишь "эканье" и "меканье", — оно незаметным образом исчезало из содержания.

Но в полной мере и метод, и реализацию, и возможности раскрытия через биографии особенностей жизни социума, личных и научных коллизий я оценила позже, когда прочитала подаренную мне Г.С. книгу "Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах" (СПб, 1999), где Батыгин числится ответственным редактором. ("Числится" потому, что по стилю интервью — большая часть воспоминаний представлена именно в этом жанре — я чувствую, что все они были записаны самим Батыгиным.)

К этой книге Батыгин написал не слишком пространное, но емкое и в высшей степени богатое идеями предисловие, которое в качестве самостоятельной статьи могло бы украсить хороший современный журнал, а будучи развито, могло бы стать и книгой. Из предисловия ясно, что замысел упомянутого издания, вполне соответствуя его заглавию, тем не менее, много шире и значительнее, нежели рассказ о становлении отечественной социологии.

Батыгин хотел рассказать о времени и о поколении. И нашел для этого на редкость адекватный метод.

Геннадий Батыгин принадлежал к тем немногим людям, которые обладают чувством истории, т.е. не просто осознают умом важность исторического знания, но как бы физически слышат глагол времен. И еще он был человеком долга и чести. Три тезиса из "Предисловия" я процитирую:

"Когда предубеждения и ценности сегодняшнего дня обретают власть над историческим исследованием, оно превращается в политику, опрокинутую в прошлое, возникает миф о советском социализме как о времени тотальной лжи." (с.3)

"Нередко правое и левое меняются местами, оказывает-

ся сомнительным моральное преимущество, традиционно приписываемое жертвам режима. Равным образом, нельзя однозначно судить о тех, кто составлял научную номенклатуру" (с.10).

"Многих из авторов сборника можно без колебаний назвать "шестидесятниками". Других уточнений здесь не требуется, поскольку это понятие должно остаться в меру неопределенным". <...> Шестидесятники сумели быть свободными в несвободное время. Таков их урок следующим поколениям" (с.9;16)

Объективная реконструкция истории идей — вот что было сверхзадачей этой книги и Батыгина как ее вдохновителя. А поскольку, как некогда афористично выразился Иосиф Бродский, *идеи обитают в людях*, то сопоставление повествований разных людей о том, "как это было", необычайно содержательно.

Батыгин не просто знал своих "информантов", их интересы, их творчество, личные и служебные взаимоотношения, равно как и организационные структуры, в которые эти люди были включены. Он был, как я теперь понимаю, наделен редким даром понимания Другого. Поэтому его собеседники так поразительно и органично раскрывались ему навстречу.

Весьма сдержанная Татьяна Ивановна Заславская и темпераментный Игорь Семенович Кон, мудрый и не слишком расположенный к рассказам о себе Юрий Александрович Левада и яркий публицист Лен Карпинский — все они представлены выразительно и объемно, на первый взгляд — протокольно, а по сути — как герои увлекательного романа.

Они, как и остальные рассказчики, были и остаются героями не только своего, но и нашего времени. А ведь без созданной Г.С.Батыгиным книги мы бы едва ли обо всем этом узнали...

Предпосылки социологического исследования этоса науки в "тюменских" работах Г.С. Батыгина

Марина Богданова

Юбилей Г.С. Батыгина — это благодатный повод вспомнить и написать о нем. Его "отсутствующее присутствие" можно ощутить в дискурсе современной отечественной социологии. Одну из таких возможностей дает осмысление потенциала работ Геннадия Семеновича, написанных в рамках исследовательских проектов НИИ прикладной этики (далее НИИ ПЭ) Тюменского государственного нефтегазового университета.

Полушутя-полусерьезно Г.С. Батыгин называл профессора В.И. Бакштановского, директора НИИ ПЭ, "лучшим среди этиков социологом". "Лучшим среди социологов этиком" полушутя называл — а теперь уже и серьезно называет — Г.С. Батыгина В.И. Бакштановский. "Обмен" такими оценками — проявление взаимной человеческой симпатии исследователей, сопровождавшей плодотворное систематическое сотрудничество Г.С. Батыгина с НИИ прикладной этики с 1998 по 2003 гг. Можно сказать, что в этот период дисциплинарно этика и социология в проектах НИИ ПЭ проявили синергетический эффект.

Попытаемся проиллюстрировать объяснительный потенциал работ Г.С. Батыгина на примере одного фрагмента, демонстрирующего предметно-методологический подход к исследованию этоса. В целом теоретико-методологические аспекты исследования этоса научной деятельности, отраженные в публикациях Г.С. Батыгина в журнале "Ведомости" НИИ ПЭ, — лишь малая часть его интеллектуального наследия, в том числе и по тематике этоса науки.

Этос университета — центральная тема одного из продолжающихся проектов НИИ ПЭ. Он посвящен исследованию про-

блем самопознания и самоопределения отечественного университета. Современные университеты в условиях глобальной реорганизации социального пространства и времени столкнулись с необходимостью самоопределения. Значимость исследований этоса университета возрастает в ситуации, когда противоречивые ценностно-нормативные порядки порождают неопределенность профессионально-нравственных ориентиров научной и образовательной деятельности.

В современных исследованиях общества содержатся разнообразные значения понятия "этос". Исследовательские проекты НИИ ПЭ основаны на концептуализации, разработанной В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым в рамках направления этико-прикладного знания. Здесь понятием "этос" обозначает промежуточный уровень между нравами и моралью — между сущим и должным. Этос трактуется как реально-должное, выходящее за полюсы стихийного состояния нравов, с одной стороны, строгого порядка идеально-должного — с другой [1], [2].

Г.С. Батыгин трактует этос как "функционально организованную норм воспроизводства определенного "региона" — труда, искусства, религии, политики, быта, повседневности и, в том числе, научного знания. Этос выходит за рамки индивидуального выбора и индивидуальных представлений о должном, а являет собой само должное — должное в том отношении, что без соблюдения этих правил деформируется и вырождается сам "регион" [3, с. 39].

Две представленные здесь трактовки этоса, как можно заме-

тить, отображают точку пересечения этики и социологии в описании этого феномена: "реально-должное" и "должное" как правила, сохраняющие институциональную идентичность.

Понятие этос изначально принадлежит сфере этического знания; в рамках активно развиваемого отечественными исследователями направления "социология морали" сформулированы определенные основания социологического исследования морали. Однако вопрос о том, "как возможно и возможно ли эмпирическое социологическое исследование этоса?", постоянно сопровождал и сопровождает участников исследовательского проекта НИИ ПЭ "Самоопределение университета".

Широко цитируется позиция Г.С. Батыгина, связанная с обсуждением возможностей эмпирической социологии в исследовании морали, которая может показаться убедительной. Как известно, Г.С. Батыгин отмечает методологические и методические противоречия в изучении "фактов моральной жизни" средствами эмпирической социологии, разрешение которых представляется делом довольно трудным. Первое из выделенных исследователем противоречий связано с дуализмом понимания морали как социологического феномена, второе — с проблемой валидности социологического инструментария [4, с. 108-119].

Однако думается, что все обстоит несколько иначе: сами работы Г.С. Батыгина методологически подкрепляют предположение о возможности исследовать этос средствами эмпирической социологии. Оно основано на многолетних опросах и интервью, как групповых, так и индивидуальных, в рамках упоминаемого исследовательского проекта НИИ ПЭ [5].

В доказательство обратимся к фрагменту работы Г.С. Батыгина, которая, как мы попытаемся показать далее, задает методологические ориентиры социологического исследования этоса [6, с. 164-179]. В ней проясняются горизонты собственно социологического видения ценностно-нормативных структур, ориентирующих социальные действия и поведение в рамках социального института науки.

Рассматривая этос и этику воспроизводства науки с точки зрения дихотомии "партикуляризм — универсализм", исследователь характеризует такое воспроизводство как автономную систему поведения, а процесс приспособления эпистемического образца к среде — как функционально направленный на сохранение его автономии, в том числе и этической.

Основанное на норме универсализма воспроизводство научного знания всегда испытывает различные формы партикуляристского давления. Как отмечает Г.С. Батыгин, "универсализм опирается на предположение о зависимости распределения ресурсов исключительно от вклада исследователя в научное знание, при этом вклад получает выражение в форме публикации или опосредованным образом в форме преподавания или управления научно-исследовательскими разработками" [6, с. 165]. Исходя из предположения о том, что личность в науке теряет свое трансцендентное единство, Г.С. Батыгин полагает возможным анализировать партикуляристское давление "в контексте редукции научного образца к ненаучным формам знания, не касаясь личности".

Исследователь связывает партикуляристское давление на воспроизводство научного знания, прежде всего, с фабрикациями научной деятельности. В числе прочих речь идет о фабрикациях, обусловленных представлениями о престижности научного знания и связанных с ним социальных статусов, а также проекцией интеллектуального ресурса на публичные предположения.

Специфика социологического видения Г.С. Батыгиным предметного поля этоса проявляется при рассмотрении такой формы партикуляристского давления, как "установление "значимости" суждения, или статуса пишущего". "Значимость" находит отображение в так называемых "промежуточных адаптационных зонах". В таких зонах действуют институты: "продуктивность исследований и социальная стратификация дисциплинарных сообществ, приоритеты и вознаграждения" [7, с. 173-185], "доступ к интеллектуальным ресурсам, техники фильтрации и экспертизы, престижность и актуальность тем исследования, функциональная стратификация совокупного текста науки" [3, с. 39-60], ""жизнь ученых" как литературный жанр" [8, с. 106-119].

Такие институты, изменяя партикуляристское давление, создают возможность сохраниться автономии эпистемического образца, которая в свою очередь обеспечивает "научному агенту" возможность действовать одновременно в партикуляристском и универсалистском режимах, не теряя ощущения границ" [6, с. 177]. Описанное состояние "научного агента" и составляет, как мы полагаем, предметное поле эмпирического исследования этоса.

Во время социетальных трансформаций, когда происходит поляризация норм в деятельности социального субъекта (например, ценностей и норм профессии университетского преподавателя и норм современной университетской организации), культурный код, содержащийся в этосе, позволяет, выражаясь словами Г.С. Батыгина, "распознавать "своих" универсалистов и отделять их от "чужих" — партикуляристов". Соответственно и социологическое исследование этоса возможно как описание ценностных установок и норм воспроизводства определенного "региона" в напряженной ситуации партикуляристского давления, выражающегося в распространении в социокультурном пространстве данного "региона" ложных форм социального взаимодействия, разрушающих его институциональную идентичность.

Литература:

1. Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. *Этос // Этика. Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.*
2. Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. *Введение в прикладную этику: Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006.*
3. Батыгин Г.С. *Этос науки // Этика науки. Ведомости. Вып. 18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001.*
4. Батыгин Г.С. *Как невозможна социология морали // Оправдание морали. Сб. научных статей / Под ред. В.И. Бахитановского, А.Ю. Согомонова. М.-Тюмень: Центр прикладной этики, НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000.*
5. Богданова М.В. *Этос современного отечественного университета. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010.*
6. Батыгин Г.С. *Партикуляристское давление в воспроизводстве научного знания // Ценности гражданского общества. Ведомости. Вып. 23. Тюмень: НИИ ПЭ.*
7. Батыгин Г.С. *"Эффект Матфея": накопленное преимущество и распределение статусов в науке // Этика науки. Ведомости. Вып. 18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001.*
8. Батыгин Г.С. *Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002.*